
НА ПУТИ К МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.Ю. Сидорина

Статья посвящена современному состоянию и перспективам социальной политики в XXI веке. Какое воздействие оказывает глобализация экономики на социальную политику? Является ли свертывание государства благосостояния в развитых странах следствием усиления глобализационных процессов? Социальная политика серьезно эволюционировала за последние два столетия. Рационалистическое обоснование государства всеобщего благосостояния мы находим в важнейших документах эпохи Просвещения. Экономические трансформации индустриальной эпохи обусловили становление социальной политики как направления внутренней политики государства. На протяжении двух веков социальная политика справлялась с задачами стабилизации в границах западного мира. Сегодня социальные проблемы вышли за пределы отдельного государства; сохранение социальной стабильности отдельно взятой экономически развитой страны не сопоставимо по значимости с опасностью международного терроризма, обострением противостояния богатства и бедности в значительной части стран. Интерес смещается из сферы деятельности отдельного государства в сферу деятельности мирового сообщества – мировую социальную политику.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, эволюция, кризис, глобальная экономика, перспектива

Рационалистическое обоснование индивидуалистического государства всеобщего благосостояния в эпоху Просвещения

Великая французская революция повлекла за собой огромные социальные и политические изменения в жизни Европы. Согласно историкам и социальным мыслителям, никакое другое событие мировой истории прежде не было подготовлено столь долгой цепью философской рефлексии [см.: Хьюбнер, 2001. С. 106]. К этому относится и история становления индивидуалистического государства

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 04-03-00495а.

всеобщего благосостояния. Основным теоретическим документом называют «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) [см.: Руссо, 1998].

Наследие Великой французской революции – Декларация прав человека от 1789 года – представляется как свод основных положений политики государства всеобщего благосостояния и общественного договора Руссо. Первая статья Декларации начинается словами: «Люди рождаются свободными. Они остаются свободными и равными в своих правах» [цит. по: Хюбнер, 2001. С. 106]. Во второй статье присутствуют понятия естественного права и определение абстрактного индивида, которые характеризуются преимущественно его правом на свободу и собственность: «Целью всякого политического объединения является сохранение естественных и неизменных прав человека. Эти права суть право на свободу, собственность, безопасность и сопротивление подавлению» [Там же. С. 107]. Наконец, шестая статья непосредственно перекликается с идеями Руссо: «Закон есть выражение общей воли».

К. Хюбнер в работе «Нация» (1991) проводит сопоставление французской Декларации прав человека и изданного в ходе американской революции Билля о правах, констатируя очевидное значительное сходство двух этих документов. Но есть и принципиальные различия: «С одной стороны, в Билле о правах мы читаем, что все люди свободны от рождения и имеют врожденные права, к которым помимо прав на свободу, собственность и безопасность относится положение, что всякая власть исходит из народа. Но, с другой стороны, в американском Билле о правах отсутствуют идеи, которые входили бы в мир идей Руссо, как это обнаружилось во французской Декларации прав человека» [Хюбнер, 2001. С. 107–108]. Дальнейшее сопоставление французского и американского документов выявляет различное понимание отношения гражданина к закону. Так, в седьмой статье французской Декларации прав человека, непосредственно примыкающей к статье шестой, в которой речь как раз шла об общей воле, говорится главным образом о безропотном повиновении гражданина закону как выражению этой общей воли, а затем – о строгом применении закона и презумпции невиновности до суда.

В Билле о правах, напротив, подробно и категорически указывается на те права и средства, которые стоят в распоряжении отдельного человека для защиты от государственного насилия и юстиции. Например, в десятой статье Билля о правах штата Массачусетс сказано: «Каждый индивид в обществе имеет право на защиту своей свободы, счастья в жизни, своей собственности согласно существующим законам». Одиннадцатая статья гласит: «Каждый член национального сообщества должен иметь в своем распоряжении определенные средства, чтобы в законах найти защиту от беззакония, оскорбления, угрожающих его личности, его владению и его достоинству». Наконец, в статье двенадцатой устанавливается: «Каждый гражданин должен иметь право предоставить все доказательства, которые свидетельствуют в его пользу, требовать очной ставки со свидетелем и быть выслушанным в ходе своей защиты без ограничения, сам или с помощью выбранного им защитника» [Там же. С. 109].

Этих положений нет во французской Декларации прав человека. В ней на первом плане стоят такие понятия, как нация, общая воля и законы, про-

истекающие из них, словно нечто священное и неприкосновенное, а не индивид, как это преимущественно имеет место в американских биллях. Хьюбнер делает вывод об отличиях французского и американского документов: «И там, и тут якобы утверждается, что человек рожден свободным. Однако ученики Руссо видели свободу человека именно в том, что свою *amour propre* он трансформирует в *amour de soi*¹, а его переход в государственное состояние приобретает новое качество, а именно радостную и безусловную преданность *Обществу Блага*. Составители же американских биллей настаивали на том, что свобода естественного состояния хотя и ограничивается государством, но в основе своей остается той же самой и состоит в преследовании собственного интереса, индивидуальных желаний и стремлений» [Хьюбнер, 2001. С. 109].

Эти различия весьма существенны для всей будущей перспективы развития теории государства благосостояния и социальной политики современных обществ. Американский президент Т. Джефферсон (президент США в 1801–1809 годы) гордился тем, что в Америке победила социальная «идея, которая не была обязана своим появлением никакому преданию или традиции, но единственно опиралась на отдельных индивидов и сиюминутные представления о полезности. Благодаря этому возникло специфическое американское сознание, все больше и больше начинавшее принимать облик особенного американского образа жизни. Америка породила определенный менталитет, который имеет свои исторические корни. В первом приближении речь здесь идет о том поле напряжения между пуританизмом и капитализмом, идеализмом и прагматизмом, республиканством и либерализмом, которое <...> пронизывает американский духовный мир, выступая в виде американского характера» [Там же. С. 111].

Итак, уже в XVIII веке отчетливо проявляются предпосылки социальной политики будущего, которая будет объединять в себе черты ныне действующих моделей: либеральной (англо-американской) и континентальной (корпоративной), сочетающей свободу индивида в решении социальных проблем с участием государственных институтов.

Сегодня государство всеобщего благосостояния – одно из самых завораживающих понятий двухвековой истории социальной политики. Что ждет феномен *welfare state* в XXI веке? Какое влияние на государство благосостояния и его социальные программы оказывают процессы глобализации и прежде всего глобальная экономика?

Государство всеобщего благосостояния в условиях глобальной экономики

Какое воздействие оказывает глобализация экономики на социальную политику? Способствует ли она созданию новых рабочих мест либо, напротив, приводит к росту безработицы? Является ли свертывание государства

¹ Ж.-Ж. Руссо отличал любовь человека к самому себе (*amour de soi*) от ее извращенной формы – самолюбия (*amour propre*).

благополучия в развитых странах следствием усиления глобализационных процессов? По всем этим вопросам в западной литературе ведется оживленная дискуссия [см. об этом: Кондратьева, 2000. С. 51–71].

Глобализация как объект исследования привлекает пристальное внимание ученых. Р. Страйкер отмечает, что в наши дни заниматься исследованием государства благополучия и не учитывать при этом влияния на него глобализации уже невозможно [Stryker, 1998. Р. 48–49]. Хотя не существует общепринятого понятия глобализации, многие исследователи видят суть этого явления в формировании мировой экономики особого типа. За последнее десятилетие появилось много работ, в которых утверждается, что экономическая глобализация неизбежно ведет к свертыванию государства благополучия. В обоснование своей позиции исследователи чаще всего приводят следующие аргументы.

Государство благополучия в западных странах достигло своего расцвета в послевоенный период, отличительной особенностью которого было наличие мощного рабочего движения, а также наличие «традиционного» слоя избирателей – многочисленного рабочего класса, голосовавшего за левые партии. Именно эти обстоятельства способствовали тому, что на выборах, как правило, побеждали социал-демократы. Левые правительства обладали реальной возможностью проводить такую политику, которая создавала условия для роста экономики, повышения ее эффективности и в то же время обеспечивала относительно справедливое распределение результатов процветания между предпринимателями и наемными работниками. Наемные работники получили полную занятость и социальные гарантии. Прибыли предпринимателей непрерывно увеличивались, экономика бурно развивалась, производительность труда росла, заработная плата регулировалась коллективными соглашениями профсоюзов и работодателей, стабильность в экономике позволяла корпорациям осуществлять строгий контроль над производством и инвестициями [см., например: Pontusson, 1992; Hirst, Tompson, 1995].

В конце 1970-х годов развитые страны столкнулись с такими серьезными экономическими проблемами, как резкое снижение производительности труда, экономическая стагнация, высокая инфляция [Stryker, 1998. Р. 6]. Широкие социальные гарантии, предоставляемые государством благополучия своим гражданам, высокая безработица, старение населения требовали непрерывного увеличения расходов на государственные социальные программы [см., например: Pontusson, 1992].

Р. Страйкер предпринимает попытку выявить, каким образом глобализационные процессы воздействуют на государство благополучия, и приходит к следующим выводам:

1. Глобализация может вести к усилению зависимости государства от капитала – не только национального, но и иностранного или международного (international capital).

2. Финансовая и промышленная глобализация увеличивает риск оттока капитала из страны в тех случаях, когда налоговая система и финансовая политика данного государства расцениваются предпринимателями как неблагоприятные для получения высоких прибылей, и потому капи-

тал перетекает в страны с более благоприятными условиями.

3. Усиливающаяся финансовая интеграция сужает возможности национальных государств при разработке ими экономической политики независимо от того, какое правительство находится у власти – левое или правое. В любом случае оно вынуждено придерживаться одного и того же курса. Любое национальное правительство должно неукоснительно соблюдать жесткую бюджетную дисциплину, ограничивать социальные расходы, сокращать государственный долг с тем, чтобы убедить международные финансовые рынки в своих намерениях не допустить роста инфляции. Национальные правительства для смягчения проблемы безработицы и обеспечения роста заработной платы, как правило, вынуждены прибегать к девальвации своей валюты и увеличению дефицита платежного баланса. Финансовая глобализация подрывает возможности и эффективность национальной экономической политики. В то же время потерявшие былую силу профсоюзы сталкиваются с серьезными препятствиями, когда они пытаются организовать международные коллективные действия по поддержанию единых высоких социальных стандартов.

4. На протяжении более чем двадцатилетнего периода (с конца Второй мировой войны и до 1960-х годов) в развитых странах существовала прямая зависимость между экономическим ростом и полной занятостью. Кейнсианская политика управления спросом способствовала быстрому накоплению капитала через систему перераспределения доходов. Такая политика, стимулируя спрос на отечественные товары, создавала условия для повышения прибылей производителей и обеспечивала высокую занятость. «Так как в настоящее время высокие прибыли и высокие темпы экономического роста достигаются, прежде всего, за счет преимуществ, которые дает транснационализация, и зависят от состояния потребительских рынков и возможностей для вложения инвестиций за рубежом, заинтересованность капиталистов в проведении национальными правительствами кейнсианской политики стимулирования спроса падает, и поэтому увеличение прибылей и экономический рост уже не обязательно ведут к созданию дополнительных рабочих мест в национальной экономике» [Stryker, 1998. P. 8]. В то же время, поскольку кейнсианская политика стимулирования потребительского спроса, равно как и увеличение государственных ассигнований на социальные нужды, приводит к увеличению потребительских расходов на приобретение иностранных товаров, такая политика, в конечном счете, не способствует ни повышению прибылей национальных производителей, ни росту занятости в национальной экономике.

5. Финансовая глобализация, быстрый рост международной торговли, в сочетании с изменившимися социально-экономическими и политическими условиями в развитых странах в 1970-е годы, способствовали появлению и быстрому распространению новой экономической концепции – неolibеализма. Сторонники этой концепции подчеркивают, что глобализация сужает возможности национальных властей в разработке и проведении экономической и социальной политики, в связи с чем национальные правительства вынуждены ограничить сферу своего вмешательства в экономику и нацелить макроэкономическую политику на решение таких проблем, как снижение барьеров на пути

расширения международной торговли, на создание условий для повышения конкурентоспособности национальных корпораций на мировом рынке путем уменьшения налогов, а также резкого сокращения государственных расходов и в первую очередь расходов на социальные программы [Op. cit. P. 9].

Возможные последствия глобализационных процессов для государства благосостояния и его социальной политики анализируют известные специалисты Стефан Лейбфрид (Stephan Leibfried) и Эльмар Риджер (Elmar Riedger) [см.: Jordan, Leibfried, Rieger, 1995].

Для С. Лейбфрида и Э. Риджера государство благосостояния не является препятствием или барьером к глобализации экономики. Напротив, они рассматривают его как основной элемент такой институциональной структуры, которая делает возможной экономическую глобализацию. Именно государство благосостояния создает «буфер» и «фильтрует» все экономические шоки, имеющие своим источником интернационализированную экономику, и предотвращает падение уровня жизни обычных граждан ниже определенных стандартов. Существование государства благосостояния является, таким образом, временным условием политической поддержки системы свободной международной рыночной экономики. Без государства благосостояния могут быстро распространиться протекционистские и националистические движения, и даже если лидеры этих политических движений не придут к власти, ни одно демократическое правительство не сможет долго сопротивляться их требованиям. Или же компаниям придется создавать и собственные системы социального обеспечения, однако это очень дорого им обойдется, а кроме того ничем не поможет безработным и служащим мелких и средних фирм.

С. Лейбфрид и Э. Риджер поддерживают свою точку зрения следующими аргументами. Во-первых, они указывают на то, что развитие глобализированной экономики в основном затрагивает развитые промышленные страны, каждая из которых имеет более или менее разработанную систему социального обеспечения. Другими словами, глобализированный экономический обмен предполагает полный институциональный «изоморфизм» между участвующими странами, который создается на основе государства благосостояния. Из этого следует, что странам Центральной и Восточной Европы, так же как и новым индустриальным странам Восточной и Юго-Восточной Азии, рано или поздно придется создавать свои системы *welfare*, если они хотят полностью интегрироваться в глобализированную экономику. Во-вторых, как утверждают С. Лейбфрид и Э. Риджер, многие международные торговые соглашения учитывают интересы социальной защиты стран-участниц, имея особые разделы, благоприятствующие конкретным отраслям промышленности, чтобы защитить их от разрушительной международной конкуренции [цит. по: Дойчман, 1998. С. 18–19].

Кризис социальной модели? Мировая социальная политика

Социальная политика серьезно эволюционировала за последние два столетия. И если мы говорим, что в середине XIX века превалировала «бедно-центристская» социальная политика, то постепенно она меняет свои очерта-

ния и характер, превращаясь к середине XX века в политику защиты социальной стабильности и поддержания устойчивости средних слоев, а в странах с этакратической окраской – в политику защиты благополучия элитных слоев и поддержания существования низших.

Полагаю, что история социальной политики как порождения индустриальной эпохи пришла к своему завершению с созданием и реализацией модели государства всеобщего благосостояния. Западный мир в течение нескольких десятилетий демонстрировал возможности этой модели во всем их многообразии.

Мы уже переступили порог XXI века, прожили в этом веке первые пять лет. Какой будет и будет ли социальная политика?

Очень много написано о кризисе государства социального страхования, государства всеобщего благосостояния, однако не предложено ни одной новой модели, способной по значимости соперничать с этими концепциями. Социальную политику бывшего СССР вряд ли можно рассматривать как самостоятельное воплощение или евразийскую ветвь *welfare state*. Государство благосостояния – атрибут демократического гражданского общества, правового государства. Там, где есть исторические основания для диктатуры, многовековые традиции рабства, меньше всего думают о таком механизме социального и экономического развития, как *welfare state*. В учебнике «Социальная политика» (2004) мы с С.Н. Смирновым писали о разделении социальной политики на силовую и экономическую [см.: Смирнов, Сидорина, 2004]. Теперь я полагаю, что силовой социальной политики не бывает. Социальная политика не устраивает репрессий, это не входит в ее задачи. Это прерогатива внутренней политики тоталитарного государства, опирающегося не на институты социальной политики, а на такие структуры, как НКВД, ГУЛАГи и пр. Таких институтов в системе социальной политики нет.

В СССР, бесспорно, проводилась социальная политика, вполне соответствующая идеологии этого государства и его плановой экономике; социальная политика, обеспечивавшая интересы номенклатуры и минимальный уровень потребления остальных слоев населения, карикатурно повторяющий номенклатурный по набору услуг, но не по их качеству.

В определенном смысле это действительно была стройная система мер по обеспечению насущных социальных потребностей. Население нашей страны, родившееся и выросшее в советскую эпоху, до сих пор с ностальгией вспоминает о своих гарантированных социальных правах – на труд, на отдых и пр. Однако сегодня не имеет смысла говорить о размерах зарплат, социальных отчислениях, об уровне пенсионного обеспечения в контексте экономического положения страны даже последних лет советского периода. Информация о реальной экономической ситуации в ее политическом и статистическом выражении никогда не была доступна рядовому советскому человеку, и еще менее вероятно, что благодаря системе социальных отчислений (даже при всей ее плановой упорядоченности) обеспечивалось решение социальных вопросов.

Социальная политика тоталитарного государства – не пример для подражания в планетарном масштабе. Самое главное, что ее экономический фунда-

мент (даже в отличие от кризисного *welfare state*) «приказал долго жить». Безусловно, экономика *welfare state* оказалась значительно более устойчивой.

Сколько бы не говорили о кризисе государства всеобщего благосостояния, оно сумело пережить величайшие взлеты и падения. Государство благосостояния широко распространилось в мире, доказало свою жизнеспособность в самых разных экономических и социальных условиях. И если сегодня государство благосостояния уже и не ставит перед собой задачи помочь всем и во всем, обеспечить *всеобщее благоденствие*, все-таки, как бы ни жаловались западные политики и финансисты на истощенность возможностей поддерживать *welfare state*, социальные программы сохраняются, пособия выплачиваются, пенсии позволяют жить достойно. Вопрос в том, как совместить государственное участие с участием отдельного человека, гражданина, *как достичь равновесия между возможностями welfare state и растущими потребностями современного общества, как добиться оптимального перераспределения*.

Со времен Великой французской революции, времен провозглашения великих либеральных лозунгов социальная политика прочно утвердилась как направление внутриполитической деятельности государства и область возможного вмешательства в решение социальных проблем со стороны негосударственных институтов. Полагаю, что в этом качестве ее ждет еще очень долгое будущее.

Отчего же такое острое ощущение утраты? Что же закончено, завершено, истощено?

Возможно, ответ следует искать в том, что социальная политика, придя в последние десятилетия XX века ко множеству вариантов государства благосостояния, утвердившихся и упрочившихся в разных странах мира, перешла в некую стабильную фазу своего существования, когда закончен период теоретических баталий и воцарился мир: либералы отстаивают консервативные принципы, консерваторы – либеральные. Революции остались в прошлом, и наступило время «нормальной науки» (в терминологии Т. Куна), а именно время *социальной политики как системы мер, обеспечивающих решения во всех сферах, представляющих социальные потребности общества и его слоев*.

С социальной политикой произошло то, что и должно было произойти, она перестала быть объектом для социологического воображения.

Чем же был вызван столь сильный и длительный по времени существования интерес к социальной политике? Чтобы ответить на этот вопрос (во всяком случае предложить свою версию ответа), я бы хотела обратиться к известной работе В. Зомбарта «Идеалы социальной политики».

Задавшись целью построить определение социальной политики, Зомбарт проводит ревизию уже имеющихся определений. Одним из ракурсов рассмотрения неизбежно становятся мероприятия по удовлетворению насущных социальных потребностей. И сейчас, и в то время, когда немецкий ученый писал свое сочинение, комплекс подобных мероприятий упоминался в определениях социальной политики. Но интересно, что Зомбарт не просто фиксирует наличие данного фрагмента в определениях, относя это к общепринятой трактовке социаль-

ной политики. Он отмечает, что это «сумма мероприятий внутренней политики, ведущих свое начало от времен возникновения пролетарского движения и имеющих целью удовлетворить настойчивые требования относительно увеличения заработной платы или хотя бы умерить их...» [Зомбарт, 1906. С. 6].

Ссылаясь на известное исследование Гертлинга «Естественное право и социальная политика», Зомбарт объясняет, что повышенный интерес к понятию «социальная политика» проявился именно в смысле специальных задач, связанных с положением, потребностями, требованиями рабочего класса, с этим связана и «популярность» этого термина. Зомбарт цитирует Гертлинга: «Лишь тогда был поднят социальный вопрос, когда очутились лицом к лицу с организованной социальной, социал-демократической партией, и тогда же правительство стало изобретать меры для борьбы с опасным стремлением этой партии, а также изыскивать средства для изменения тех условий, которые вызывали ее к жизни. Начиная с 1877 года, среди прений в германском рейхстаге дебаты по социальному вопросу (!) занимают значительное место. Правительственные законопроекты и предложения партий в большей или меньшей степени составлялись на основании социально-политических соображений; социальная политика сделалась лозунгом нашего времени. Тому же общественному настроению обязан, очевидно, своим названием и “Verein für Sozialpolitik”» [Там же. С. 6–7].

Я склонна согласиться с тем, что повышенный интерес к возможностям социальной политики в преддверии XIX века был обусловлен именно социальными и внутривнутриполитическими причинами. Экономические трансформации новой индустриальной эпохи, повлекшие за собой серьезные социальные сдвиги, становящиеся все более отчетливыми и правдоподобными перспективами уже не природных, а социальных катастроф, кардинальные нарушения социальной стабильности потребовали перехода от фрагментарной, разовой политики решения социальных проблем к созданию социальной политики как направления внутренней политики государства. Это удалось. На протяжении двух веков социальная политика справлялась с задачами стабилизации в границах западного мира.

Сегодня такие понятия, как «классовая борьба», «интересы рабочего класса» все больше воспринимаются как атрибуты политических теорий прошлого. Развитые экономические страны давно обеспечили «синим воротничкам» достойный уровень существования. Перспективы построения постиндустриального общества не сочетаются с проблемами бедности и нищеты образованного населения глобализирующейся планеты. К сожалению, нищета и сопутствующие ей несчастья не торопятся навсегда исчезнуть с лица Земли. Одна из глобальных проблем современности – обострение противостояния богатства и бедности значительной части стран мира. Решение этой проблемы возможно лишь силами всего человечества и прежде всего зависит от волеизъявления экономически развитых стран. Но это уже вопрос, выходящий за пределы внутренней политики государства, а именно – социальной политики.

Глобальная опасность XXI века – международный терроризм и рост национализма. Социальной стабильности грозят именно эти процессы. И здесь уже никак не обойтись мерами внутренней социальной политики.

Вот так и возникает еще один ракурс неопределенности в оценке роли и значимости социальной политики – как порождения эпохи Нового времени, буржуазных и промышленных революций, воплощения социальных и политических теорий либерализма. Современный капиталистический мир уже не боится «призрака коммунизма», забастовочного движения и разъяренных толп пролетариата. Мир движется к глобальному объединению. Сегодня проблема сохранения социальной стабильности отдельно взятой экономически развитой страны по значимости просто не сопоставима с опасностью международного терроризма, угрожающего сотням и тысячам жизней людей во всем мире. Поэтому, на мой взгляд, интерес смещается из сферы деятельности отдельного государства к деятельности мирового сообщества – *мировой социальной политике*. Здесь на пересечении политического национализма и мировой социальной политики могут сойтись интересы разных научных дисциплин.

Возможно, мое предположение кому-то покажется фантазией. Однако это лишь прогноз и вопрос будущего, которое, как правило, склонно осуществлять самые неожиданные проекты и предсказания. Мир стремительно развивается, и скоро мы станем свидетелями новых экономических и социально-политических трансформаций.

Список литературы

- Дойчман К. Будущее государства благосостояния // Государство благосостояния и его социально-экономические основы: Сб. ст. СПб.: Экономика, 1998.
- Зомбарт В. Идеалы социальной политики. СПб., 1906.
- Кондратьева Т. С. Глобализация и государство благосостояния: Реферативный обзор. М.: ИНИОН, 2000.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-пресс: Кучково поле, 1998.
- Смирнов С. Н., Сидорина Т. Ю. Социальная политика. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001.
- Jordan B., Leibfried S., Rieger E. Wohlfahrtsstaat und Globalisierung. Arbeitspapier // Des Zentrums für Sozialpolitik an der Universität Bremen. 1995. №. 15/95. S. 2–18.
- Pontusson J. At the end of the third road: Swedish social democracy in crisis // Politics & Society. 1992. № 20. Vol. 3. P. 305–332.
- Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the welfare state // Economy and Society. 1995. № 24. Vol. 3. P. 408–442.
- Stryker R. Globalization and welfare state // International journal of sociology and social policy. 1998. Vol. 18. №. 2–4. P. 1–49.

Татьяна Юрьевна Сидорина
д. ф. н., профессор кафедры социально-экономических
систем и социальной политики,
Государственный университет – Высшая школа экономики

электронная почта: sidorina@rsuh.ru
